

«Миграция» фольклорных заимствований
и стилизаций из романа
П.И. Мельникова-Печерского «На горах»
в науку и культуру

Анна А. Курочкина

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия, chikalinka@mail.ru*

Аннотация. В статье описаны случаи миграции фольклорных реминисценций и стилизаций из авторского художественного текста в этнографическую и краеведческую литературу, энциклопедии и словари. Показаны типичные «маршруты» таких миграций, зависящие от жанровой принадлежности реминисценции и характера стилизации. Так, малые жанры фольклора, обработанные писателем для решения своих художественных задач, становятся материалом для фольклористических штудий, попадая в разнообразные сборники, энциклопедии и словари. Авторские «предания» мигрируют более длинным путем. Через краеведческую литературу, СМИ и экскурсионный контент они сначала становятся частью коллективного локального знания, а потом – материалом для фольклористов и городских антропологов. А вот фрагменты художественного текста, стилизованные под этнографический очерк, порой напрямую используются этнографами в качестве аутентичного материала либо цитируются авторами учебной литературы по народной культуре. В этом отношении восприятие этнографического романа представляет особый случай когнитивной путаницы в разграничении вымышленного и документального. А потому этот жанр является неисчерпаемым источником псевдофольклорных материалов для этнографов и краеведов.

Ключевые слова: этнографический роман, этнографический источник, роман П.И. Мельникова-Печерского «На горах», предание

Для цитирования: Курочкина А.А. «Миграция» фольклорных заимствований и стилизаций из романа П.И. Мельникова-Печерского «На горах» в науку и культуру // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2019. № 4. С. 107–129. DOI: 10.28995/2658-5294-2019-2-4-107-129

“Migration” of folkloric borrowings
and stylizations from the novel
by Melnikov-Pechersky “On the mountains”
into science and culture

Anna A. Kurochkina

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia, chikalinka@mail.ru*

Abstract. The article describes particular cases of migration of folkloric borrowings and stylizations from an author’s literary text into the ethnographic and local history literature, encyclopedias and dictionaries. It demonstrates typical routes of such migrations, depending on the genre of the borrowed material and the kind of stylization. For example, small genres of folklore, having been processed by the writer, turn into material for folklore studies through various collections, encyclopedias and dictionaries. Invented legends migrate in a longer way. Through the local history literature, media and guided tours, they first become a part of collective local knowledge, and then they become the research material for folklorists and urban anthropologists. At the same time, fragments of a literary text, stylized as an ethnographic essay, are sometimes used by ethnography directly, as authentic material, or cited by educational literature on folk culture. In that respect, the perception of an ethnographic novel is a special case of cognitive confusion in the distinction between fictional and documentary. Therefore, that genre is an inexhaustible source of pseudo-folklore material for ethnographers and local historians.

Keywords: ethnographic novel, ethnographic source, novel “On the mountains” by Melnikov-Pechersky, legend

For citation: Kurochkina, A.A. (2019), “Migration of folkloric borrowings and stylizations from the novel by Melnikov-Pechersky ‘On the mountains’ into science and culture”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 2, no. 4, pp. 107–129, DOI: 10.28995/2658-5294-2019-2-4-107-129

Предметом настоящей статьи является своеобразный «когнитивный казус», повлекший за собой многолетнюю научную дискуссию. Речь пойдет о конкретном художественном романе, который в силу определенных причин был воспринят как текст исторически достоверный и, как следствие, обрел статус этнографического источника не только для любителей-краеведов, но и для профессиональных исследователей истории культуры.

Данный случай, разумеется, не является уникальным. Когнитивные процессы, сопровождающие восприятие художественного текста, сложны и мало изучены. К тому же некоторые литературные жанры по сути своей предполагают смещение баланса вымысла/достоверности в читательских ожиданиях. Этнографический роман – яркий пример подобного жанра. Процесс соотношения художественного повествования и реальности при восприятии такого текста обусловлен множеством факторов и не может быть исключительно рациональным. Именно в этом контексте мы хотели бы рассмотреть частный случай, когда художественный текст воспринимается как источник этнографических данных людьми, принадлежащими к разным профессиональным группам и социальным слоям.

Речь пойдет о романе П.И. Мельникова-Печерского¹ «На горах», второй части известной дилогии знаменитого «этнографабеллетриста». Мы сознательно остановимся именно на второй части, лишенной внимания многочисленных исследователей фольклоризма творчества Мельникова-Печерского, чтобы показать, как общая установка на достоверность этнографических элементов романа приводит к их заимствованию и использованию в разнообразных культурных контекстах.

Следует отметить, что подобные заимствования из романа «На горах» происходили особенно активно, и тому есть объективные причины, связанные как со структурой самого текста, так и с обстоятельствами его появления и восприятия. По сложившейся литературоведческой традиции, «этнографизм» принято считать одной из ключевых черт поэтики указанных романов. А Брюкнер, например, писал о них: «...В общем получился первоклассный этнографический материал, изложенный в беллетристической форме»². Схожую оценку давали дилогии В.А. Каминский³,

¹ П.И. Мельников публиковал свои историографические статьи, краеведческие очерки, путевые записки и служебные отчеты под собственным именем, а литературные повести – под псевдонимом Андрей Печерский. Дилогия «В лесах» и «На горах» была опубликована автором под собственным именем с подзаголовком «Рассказано Андреем Печерским». В отечественном литературоведении принято упоминать его как Мельникова-Печерского, объединяя фамилию и псевдоним. В настоящей статье мы используем и двойное написание, и просто фамилию – для удобства чтения.

² Брюкнер А. История русской литературы в ее историческом развитии. СПб.: Вестник Знания, 1906. С. 408.

³ Каминский В.А. П.И. Мельников (А. Печерский) // Русский филологический вестник. 1908. № 2. С. 374–380.

Г. Виноградов⁴, Л.М. Лотман⁵, В.А. Володина [Володина 1965], В.Ф. Соколова [Соколова 1981], Ю.А. Курдин [Курдин 1988], И.В. Кудряшов [Кудряшов, Курдин 2004], Е.В. Гневковская [2003] и др. В то время как перечисленные исследователи считали этнографизм достоинством романов, их оппоненты оценивали его как главный недостаток дилогии. Так, например, А.М. Скабичевский⁶, А.И. Богданович⁷, И.С. Ежов⁸ настаивали на том, что избыток этнографизма мельниковских романов скрывает под собой художественную и идейную ущербность, при этом этнографическая квалификация автора ими не оспаривалась. Статус «этнографа-беллетриста», обретенный с легкой руки П.С. Усова в 1833 г., стал главной составляющей литературоведческой репутации Мельникова-Печерского. Отношение к художественным текстам писателя как к этнографически достоверному материалу было связано с двумя важными обстоятельствами его карьеры. Во-первых, вступая на литературное поприще, он уже широко известен как ученый-архивист, краевед, статистик, активный участник профессионального сообщества, сформировавшегося вокруг региональных редакций «Губернских ведомостей» и Губернских статистических комитетов. В этой среде Мельников пользовался большим авторитетом как эксперт по истории и современному состоянию Нижегородского края. Именно ему поручили сопровождать наследника российского престола Николая Александровича во время его путешествия по Волге в 1861 г., включавшего визит на Нижегородскую ярмарку. Писатель много рассказывал об истории, культуре и быте населения Среднего Поволжья. Пораженный эрудицией Мельникова, наследник взял с писателя обещание написать роман о заволжских старообрядцах. Из этого обещания, уже после безвременной кончины наследника, выросла дилогия «В лесах» и «На горах». Таким образом, и сложившаяся репутация автора, и сама

⁴ Виноградов Г.С. Опыт выяснения фольклорных источников романа Мельникова-Печерского «В лесах» // Советский фольклор. 1936. № 2–3. С. 341–368.

⁵ Лотман Л.М. Роман из народной жизни. Этнографический роман // История русского романа: В 2 т. / Ред. Б.П. Городецкий, Н.И. Пруцков. Т. 2. М., Л.: Наука, 1964. С. 390–415.

⁶ Скабичевский А.М. История новейшей русской литературы. СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1891.

⁷ Богданович А.И. Полное собрание сочинений П.И. Мельникова // Богданович А.И. Годы перелома: 1895–1906. СПб.: Мир Божий, 1908. С. 261–272.

⁸ Ежов И.С. Мельников П.И. // Мельников П.И. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. СПб., М.: Товарищество М.О. Вольф, 1911. С. 4–28.

история «заказа» романов о старообрядцах внесла свою лепту в их восприятие современниками как этнографически достоверного изображения.

Не менее значимо было и то обстоятельство, что Мельников-Печерский начал свою литературную деятельность на волне популярности «этнографического очерка». Целый ряд писателей его поколения прошли в своем творчестве путь от очерка к «роману о народной жизни». Годы создания дилогии «В лесах» и «На горах» стали для русской литературы временем окончательного становления жанра «этнографического романа». Сам Мельников был известен своим современникам как создатель научно-популярного исторического очерка в местной региональной прессе. Именно под его пером начал формироваться нижегородский «городской текст», многие сквозные образы которого (Минин, народное ополчение, ярмарка, купцы-старообрядцы и др.) генетически восходят к очеркам Мельникова-архивиста и отчетам Мельникова-чиновника. Авторские принципы увлекательного изложения исторических и этнографических реалий, характерные для его очеркистики, в полной мере реализованы в одном из стилевых пластов дилогии «В лесах» и «На горах». Отчасти благодаря этому, в ряду произведений данной жанровой группы романы Мельникова-Печерского действительно выглядели «самыми этнографичными» из этнографических.

Другой причиной подобного впечатления стал «фольклорный» пласт романа, включающий многочисленные заимствования из устной традиции и авторские стилизации под них. Именно вокруг их происхождения и этнографической достоверности развернулась многолетняя научная дискуссия. Первые исследователи и рецензенты, оценивая и комментируя дилогию, высказывали априорную уверенность в том, что в текст включены фольклорные и этнографические материалы, собственноручно записанные Мельниковым-Печерским⁹. Однако в 1936 г. Г. Виноградов высказал сомнения в том, был ли вообще Мельников собирателем фольклора¹⁰. Исследователь аргументированно доказал, что некоторые

⁹ Марков А.В. Мельников-Печерский как собиратель былин // Этнографическое обозрение. 1908. № 4. С. 134–135; Янчук Н.А. Павел Иванович Мельников (Андрей Печерский) // История русской литературы XIX века / Под ред. Д.Н. Овсяннико-Куликовского. М.: Мир, 1910. Т. 4. С. 194–207; Пилашевский П.О. К вопросу о композиции и стиле романа П.И. Мельникова «В лесах» // Известия Нижегородского университета. 1928. № 2. С. 330–347.

¹⁰ Виноградов Г.С. Опыт выяснения фольклорных источников романа Мельникова-Печерского «В лесах» // Советский фольклор. 1936. № 2–3. С. 341–368.

«фольклорные» образы в первой части диалогии являются художественным осмыслением авторских представлений о народных обычаях, почерпнутых писателем из книги А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». Более того, Виноградов настаивал на исключительно книжном характере фольклорных источников романа «В лесах». Полемика вокруг статьи вылилась в две многолетние дискуссии: был ли Мельников собирателем и являются ли включенные в романы фольклорные тексты и описания аутентичными для Поволжья. В первой дискуссии приняли участие В.М. Потявин [Потявин 1960], А.Д. Соймонов [Соймонов 1968], И.М. Колесницкая [Колесницкая 1968], В.А. Володина [Володина 1974], К.Е. Корепова [Корепова 1976], З.И. Власова [Власова 1981]. Все они приводили доказательства того, что П.И. Мельников был опытным собирателем фольклора и истинным знатоком поволжской народной традиции. В то же время участники второй дискуссии о происхождении фольклорных элементов диалогии находили все новые книжные источники, творчески переработанные писателем при создании романов. Особенно значимы в этом отношении были работы Ф. Родина¹¹, В. Володиной [Володина 1965], В. Ф. Соколовой [Соколова 1969], К.В. Чистова [Чистов 1972], З.И. Власовой [Власова 1982], В.Н. Топорова [Топоров 2009], М. Кондратьева [Кондратьев 1993], А.А. Панченко [Панченко 2004], А.В. Коровашко [Коровашко 2009]. В то время как литературоведы, полемизируя со своими предшественниками, исследовали присущий Мельникову-Печерскому художественный метод типизации фольклорных явлений, сложившаяся репутация писателя сделала его романы источником данных для этнографов, краеведов, энциклопедистов.

Особый интерес в этом отношении представляет вторая часть диалогии – роман «На горах». Дело в том, что «В лесах» и «На горах» существенно отличаются друг от друга характером изображения этнографических реалий. В первом романе многочисленные описания народных обычаев выполнены писателем в специфичной сказовой манере. Этот художественный прием, привлекая внимание читателей и исследователей к ярким, романтизированным сценам народного быта, являлся при этом маркером художественной условности изображаемого. Интерес фольклористов к легенде о граде Китеже, к купальской обрядности озера Светлояр и к целому ряду других локальных обычаев Среднего Поволжья вырос из текста романа «В лесах», но не опирался на него в силу очевидной

¹¹ *Родин Ф.* Опыты восстановления бурлацкой песни по нескольким вариантам // Труды Нижневолжского общества краеведения. Саратов, 1928. Вып. 35. С. 9–15.

авторской художественной работы с материалом. Вторая часть диалогии, роман «На горах», стилистически в гораздо большей степени наследовал традиции этнографического очерка¹², что, с одной стороны, вызвало упреки в меньшей художественной выразительности текста, с другой – породило установку на восприятие включенных в текст фольклорных и этнографических материалов как аутентичных, что не раз приводило к перепечатке их в тематических хрестоматиях и даже к использованию в качестве источника в научных статьях. Иной характер стилизации проявился на разных уровнях текста, однако принципы работы с фольклорным материалом остались прежними, и ключевое место среди них по-прежнему занимали трансформация текстов и утрирование жанровых черт. Переработанный таким образом материал уходил со страниц романа в этнографию, фольклористику, диалектологию, краеведение своими причудливыми путями.

В целом, вставные повествования фольклорно-этнографического содержания в романе «На горах» по стилистическому оформлению представляли собой тексты двух разновидностей: одни типологически соотносились с различными фольклорными жанрами, другие – с этнографическим очерком 1860–1870-х гг. Тексты этих двух групп «мигрировали» из литературного повествования путями, типичными для каждой из них. Так, например, многие предания были популяризованы краеведами, а затем растиражированы местными работниками культуры и экскурсоводами. Ярким примером тому являются фрагменты о медвежьем смотре и о «гусарах» Поташова. В нижегородском краеведении принято считать, что в указанных эпизодах Мельников-Печерский пересказывает аутентичные устные предания выксунцев [Галай 1995; Королев 2014] и сергачан [Морохин 1998]. Однако важно принимать во внимание тот факт, что все книжные и медийные фиксации соответствующих преданий либо указывают источником роман П.И. Мельникова, либо обнаруживают очевидные текстологические параллели, указывающие на использование составителем/исследователем текста диалогии. Обе истории прочно вошли в состав «локального мифа», транслируемого краеведами, экскурсоводами и средствами массовой информации. Предание о медвежьем смотре¹³ воспринимается теперь многими как исторический

¹² Подробнее об этом см. [Курочкина 2017в].

¹³ В первой главе романа «На горах», описывая хозяйственный уклад и отхожие промыслы нагорных жителей, Мельников рассказывает о масленичной шутке, якобы сыгранной сергачским капитаном-исправником с пленными французскими офицерами. Те, мол, хвастались, что Наполеон будущим летом вернется в Россию с новыми войсками и некому будет

факт¹⁴ – его рассказывают детям на уроках краеведения, оно опубликовано на официальной странице администрации Сергачского района и кратко изложено в Википедии в статье, посвященной самому городу. В таких обстоятельствах нельзя считать исторически информативной современную известность предания среди сергачан (зафиксирована Н.В. Морохиным в экспедиции 1989 г. [Морохин 1998]). А письменных фиксаций предания, атрибутируемых XIX в. или началом XX в., обнаружить не удалось. Таким образом, в настоящий момент не представляется возможным точно установить авторское/фольклорное происхождение предания о медвежьем смотре. Можно лишь достоверно утверждать, что именно текст П.И. Мельникова послужил источником для более поздних художественных и краеведческих переложений этой истории.

Похожим образом растиражирована писателями, краеведами и экскурсоводами история Андрея Поташова, очевидно отсылающего читателя к реальной исторической фигуре Андрея Родионовича Баташева. Определить авторское/фольклорное происхождение фрагмента у П.И. Мельникова не представляется возможным так же, как и в случае с преданием о сергачском медвежьем смотре. К моменту создания второй части дилогии библиография статей, заметок и очерков о Баташевых насчитывала изрядное количество публикаций. Однако ни в одной из них не упоминались предания о баташовских гусарах и потемкинских ананасах¹⁵. Формирование

землю русскую защитить. В ответ капитан исправник созвал в город медвежатников с подопечными, и увидели французы на Масленицу около тысячи медведей, выстроившихся строем и упражняющихся в «ружейных приемах». Французы удивились и домой написали, дескать, своими глазами видели медвежий батальон.

¹⁴ См., например, очерк «Исторический курьез», опубликованный учителем истории А.А. Крупновой (URL: <https://multiurok.ru/blog/vneurochnaia-deiatelnost-po-istorii.html>), в котором она практически дословно повторяет слова нижегородских краеведов Н. Морохина и Д. Павлова: «Есть основания полагать, что с этим медвежьим парадом 1813 г. связано то, что на Западе именно медведь стал символом могущества России» (URL: <http://www.ecoethics.ru/old/b19/702.html>). В этом своем предположении Морохин и Павлов переводят на язык современного патриотического дискурса выводы самого Мельникова, завершившего предание словами: «С той, видно, поры французы медведями нас и стали звать».

¹⁵ Мельников повествует об особом даре Поташова поддерживать расположение Потемкина своевременными подарками и приношениями. Особое место в этом рассказе занимает эпизод с ананасами, присланными Поташевым из муромских лесов к январскому именинному столу

литературного мифа о Баташовых начинается именно с фрагмента романа «На горах», посвященного судьбе Андрея Поташова. Стилизованное под фольклорный жанр предания, повествование здесь обладает особой интонацией и поэтикой, заметно отличающей его от всех предыдущих текстов, посвященных Баташевым. Позднее сюжетная линия фрагмента была развита П.И. Мельниковым в очерке «Семейство Барбашевых» (в более поздней редакции – «Семейство Богачевых»), опубликованном в 1884 г. уже после смерти автора. А в 1898 г. увидел свет роман Е.А. Салиаса «Владимирские Мономахи». Роман характеризовался очевидными сюжетными и стилистическими заимствованиями из текстов А. Печерского. При этом Е.А. Салиас позиционировал свое произведение как написанное на основе рязанских простонародных преданий, и с этого момента сюжеты о Баташове из романов «На горах» и «Владимирские Мономахи» прочно вошли в репертуар многочисленных краеведческих переложений. Когда в бывших домах Баташевых были организованы музеи, сюжеты, изложенные П.И. Мельниковым и Е.А. Салиасом, стали основой разнообразных экскурсионных программ. К началу XXI в. в большинстве источников, посвященных братьям-металлургам и их заводам, сюжеты, выросшие из литературных текстов, преобладали над фактографическим материалом.

Другим примером «миграции» предания является судьба «мордовской легенды» об основании Нижнего Новгорода, открывающей первую главу романа «На горах»¹⁶. В основу ее лег текст песни, опубликованной Мельниковым в «Очерках мордвы» (1867) и именуемой им «мордовской былиной». По словам писателя, «сказание» было записано приходским священником села

Потемкина. Тот якобы так обрадовался подарку, что во всеуслышание воскликнул: «Уважил!.. Спасибо!.. Захотел бы Поташов ремень из спины у меня выкроить, я бы сейчас». По словам Мельникова, именно через покровительство Потемкина Поташов добился разрешения держать при себе семнадцать гусар во главе с польским пленником Язвинским. Эти гусары вытеснили из лесов, прилежащих к владениям Поташова, промышлявших там разбойников и держали в страхе всю округу.

¹⁶ Текст повествует о «мурзе», Московском Царе, «увидавшем на Дятловых горах одетую в белые балахоны и молящуюся своему богу Мордву, и о том, как за дары этого русского «мурзы», посланные молящимся, старики мордовские послали хлеб, соль и мед, но молодые ребята, съев все это, поднесли «мурзе» землю и песок, что он принял за знак добровольного подчинения мордовской земли его власти» (*Мельников П.И. (А. Печерский)*. Полн. собр. соч.: В 7 т. Т. 7. СПб.: Тов-во А.Ф. Маркс, 1909. С. 416–417).

Сивухи (Рождественское) в 1848 г. от мордовского племени терюхан, которые «почти совершенно забыли свой язык... и песни поют по-русски, и былины свои сказывают на русском языке»¹⁷. Фактически, это первая известная фиксация данного сюжета. Большинство дальнейших публикаций и пересказов либо ссылаются на Мельникова как на источник, либо обнаруживают текстологическое совпадение.

По словам писателя, «мордовская былина» приводилась им в первой публикации точно в том виде, в каком была получена от покойного преосвященного Иакова. В отечественном финноугроведении аутентичность этого текста не ставится под сомнение [Шивкина 2013], специалисты атрибутируют его как историческую песню и публикуют в сборниках мордовского фольклора. А в нижегородском «локальном знании» указанный сюжет укоренился в виде предания. Ключевую роль в этом сыграл его пересказ, открывающий роман «На горах». Трансформируя поэтический текст в прозаический, П.И. Мельников сохранил без изменения его характерную ритмику, совершенно идентичную ритмической организации песенного варианта. При этом синтаксическая структура повествования претерпела изменения, отражающие переход устного текста в письменный. В результате семантически идентичные фразы обрели иные средства выражения подчинительной связи простых предложений в составе сложного.

Например: *Молодые ребята приуставши сели: мед, хлеб-соль поели, «старики-де не узнают» («На горах»).*

В «Очерках мордвы»: *Молодые ребята, приуставши, сели, мед, хлеб да соль поели. Говорят: «Старики не узнают!»*

Другой пример: *И где бросит он горсточку, там город ставится, а где бросит щепоточку, тамо селеньеце («На горах»).*

В «Очерках мордвы»: *Где бросит земли горсточку – Быть там градечку; Где бросит щепоточку – Быть там селеньицу.*

Кроме того, представляя песенный текст в виде прозаического, П.И. Мельников заменил нейтральные лексические единицы стилистически маркированными, «утрируя» таким образом фольклорную стилистику фрагмента: «отвечают» («Очерки») на «ответ держат» («На горах»); «и сказал» («Очерки») на «как возговорит» («На горах»); «деньги» («Очерки») на «казна» («На горах»).

Также важную смысловую роль сыграла замена постоянных эпитетов в описании основателя Нижнего Новгорода. Если аутентичный текст называл его «мурзой» либо «мурзой, московским

¹⁷ Мельников П.И. (А. Печерский). Указ. соч.

царем», то обработанный П.И. Мельниковым вариант – «белым царем», «белым русским царем» и «белым царем, великим государем». Замена, несомненно, являлась семантически значимой. Так, словарь В.И. Даля, отразивший современный П.И. Мельникову лексический строй русского языка и его диалектов, трактовал слово «мурза» следующим образом: «татарский князек, наследственный старшина; нашими законами не предоставлено им особых прав, а местами слово это обратилось в бранное: татарин, бусурман»¹⁸. Видимо, именно с этой коннотацией используемого исполнителями эпитета связано графическое выделение слова «мурза» кавычками в комментарии, сопровождавшем текст в «Очерках мордвы». Следует отметить, что в романе «На горах» П.И. Мельников аналогичным графическим способом выделял слова, призванные играть роль диалектизмов как элементов фольклорной стилизации, в многочисленных этнографических описаниях. В романе кавычки стали для писателя инструментом включения в авторскую, и без того фольклоризованную, речь элементов речи народной. Прием использовался им и прежде в нехудожественной, этнографической прозе, и в частности – в «Очерках мордвы». Примечательно, что именно закавыченного в «Очерках» «мурзу» П.И. Мельников заменяет «белым царем» в тексте «На горах». Словосочетание «белый царь» веками являлось устойчивым эпитетом, используемым для обозначения русских царей, как в речи восточных народов, так и в русских фольклорных текстах. Семантика эпитета в восточных языках акцентирует статус независимости русских царей, никому не платящих дани, а также затрагивает аспект их благородного происхождения («белая кость»), легитимирующего право на власть. В отечественной литературной традиции первой фиксации названия «белый царь» как наименования московского государя считается употребление эпитета в «Повести» Симеона Суздальца (1447–1448). Сочинение характеризует Василия Темного как «благоверного и христолюбивого и благочестивого истинно православного великого князя Василия Василиевича, белого царя всеа русии» [Успенский 1994]. К середине XIX в. «белый царь» – постоянный эпитет, используемый для именованья русских царей в различных жанрах фольклора: преданиях, духовных стихах, военных казачьих песнях и др. Замена «мурзы» «белым царем» представляет собой яркий пример авторского метода работы с фольклорным материалом. Не противореча отечественной фольклорной традиции в целом, замещение приводит

¹⁸ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Томъ второй. И–О. СПб., М.: Товарищество М.О. Вольф, 1881.

к тому, что предание начинает соответствовать излагаемой автором идее поглощения исконно мордовских территорий русским государством.

Два описанных варианта «мордовского» предания об основании Нижнего Новгорода стали его первыми печатными публикациями. Их появление совпало с бурной дискуссией местных краеведов об обстоятельствах ранней истории губернского центра. Мельников-Печерский, разумеется, принимал в ней активное участие, отстаивая свою гипотезу о существовании на месте Нижнего Новгорода мордовского Абрамова городка. В полемике того периода предание играло роль весомого аргумента. Собственно, и позиция Мельникова опиралась на предание, введенное им самим в научный оборот в разгар обсуждения вопросов происхождения древнерусских городов [Маловичко 2002]. В результате дискуссии нижегородская историография пополнилась целым рядом недостоверных источников – сообщением Нижегородского летописца, преданием об Абрамовом городке Мельникова-Печерского, легендой об Ибрагимовом городке Н.И. Храмцовского и др. Последующая источниковедческая работа исключила их из научной реконструкции ранней истории Нижнего Новгорода [Кузнецов 2014], однако в обывательском сознании предания, опубликованные за время дискуссии, заняли свое место и до сих пор пользуются популярностью у краеведов и экскурсоводов. Роман «На горах» также сыграл свою роль в поддержании памяти о «мордовской легенде». Вскоре после выхода его первой главы в авторском путеводителе по Нижегородской ярмарке С.С. Гациского¹⁹ появилась еще одна версия того же предания. Она представляла собой неритмизованный прозаический пересказ мельниковского текста, однако основателя Нижнего Новгорода Гациский именовал «князем Мурзой», нивелируя ключевую замену писателя. Эта версия стала считаться вариантом предания, опубликованного в «Очерках мордвы». В 1971 г. В.Н. Морохин опубликовал их под одной обложкой в книге «Нижегородские предания и легенды», представив прозаический вариант как широко известный во второй половине XIX в. В 1998 г. сборник был переиздан в серии «Нижегородские были» (в той же, что и «Владимирские Мономахи» Салиаса, упоминаемые выше) под заглавием «Легенды и предания Волги-реки»²⁰. В этом издании прозаический вариант легенды, принадлежавший

¹⁹ Гациский С.С. Нижегородка. Путеводитель и указатель по Нижнему Новгороду и по Нижегородской ярмарке. Н. Новгород: Тип. Губ. правл., 1877.

²⁰ Легенды и предания Волги-реки: Нижегородские были / Сост. В. Морохин. Н. Новгород: Нижегородская ярмарка, 1998.

Гацискому, был перемещен составителем из примечаний в основной корпус текстов.

Другим примером «миграции» фольклорных заимствований и стилизаций из-под авторского пера в научное издание является массовое использование малых жанров фольклора, приводимых в диалогии, в разнообразных словарях и сборниках, где они фигурируют в качестве принадлежащих к Нижегородской локальной традиции. Между тем абсолютное большинство использованных Мельниковым-Печерским примет и пословиц находят соответствие в собраниях В.И. Даля. Понятно, что, активно участвуя в подготовке его фундаментальных трудов и много лет находясь с ним в близком дружеском общении, Мельников был довольно хорошо знаком с материалом, собранным Далем, однако важным здесь представляется другое. Проверяя текстуальные соответствия устойчивых выражений и примет у Мельникова и Даля, мы обнаруживаем, что принадлежность к нижегородской локальной традиции вовсе не была для писателя критерием использования. Художественная выразительность всегда превалировала над этнографической точностью. Кроме того, как мы уже писали ранее [Курочкина 2017в], существует ряд примет («*батюшка юг на овес пустил дух*»; «*мученик Луип холодок послал с губ*»; «*Наталья-овсяница в яри спешит, а старый Тит перед ней бежит*»), которые до романа «На горах» не встречаются в публикациях народных поверий (учтены материалы В.И. Даля, А.В. Терещенко, М. Забылина, И.П. Сахарова), а после выхода романа начинают периодически появляться в соответствующих изданиях, зачастую без ссылки на Мельникова-Печерского. Являются ли они фольклорными реминисценциями или плодами личного словотворчества писателя, точно выяснить не представляется возможным. Однако наибольшую смысловую близость указанные приметы обнаруживают именно с примерами из «Месяцеслова» В.И. Даля, причем анализ позволяет выделить параметры соответствия: превращение прозаического текста (у Даля: «*Батюшка юг пустил ветер на овес*») в стихотворный (у Мельникова-Печерского: «*батюшка юг на овес пустил дух*») за счет появления ритма и рифмы; усиление мотива антропоморфности (у Даля: «*На Св. Луна овес морозом лутит*», у Мельникова: «*мученик Луип холодок послал с губ*») и добавление черт просторечия. Это приводит к выводу о высокой вероятности создания Мельниковым нового, более образного, текста примет на основе поверий, опубликованных Далем. Следует упомянуть о синтаксической особенности употребления подобных примет. В случае прямой передачи поверий, присутствующих в «Пословицах русского народа», Мельников-Печерский просто включает их в повествование,

не выделяя графически, а описанные выше приметы выделены в тексте кавычками.

В то время как использование пословиц из художественных текстов в разнообразных словарях и энциклопедиях – устоявшаяся практика, с описаниями обрядов и обычаев дело обстоит сложнее. И судьба этнографического пласта романа «На горах» ярко иллюстрирует спектр возможных вариантов заимствования. Первый казус – случай с описанием дожиночной обрядности в двух фрагментах романа. Как показал проведенный нами текстологический анализ [Курочкина 2017в, с. 68–109], описание «дожинок» стало художественным обобщением, «сконструированным» П.И. Мельниковым-Печерским из элементов различных традиций на основе данных присутствовавших в его личной библиотеке этнографических монографий, и не может быть соотнесено ни с одной зафиксированной локальной традицией. Если бы не одно «но». В статье О.А. Терновской о жатвенной обрядности [Терновская 1977] мы обнаружили, что все данные исследователя по Краснослободскому уезду, граничившему с Тамбовской и Нижегородской губерниями, совпадают с описанием «дожинок» в третьей части романа «На горах». При подготовке статьи О.А. Терновская использовала как печатные источники, так и архивные материалы, но указания на источник данных по Краснослободскому уезду в тексте отсутствуют. Очевидно лишь то, что сведения были записаны ранее 1928 г., когда настоящий уезд был преобразован в Краснослободский район Мордовского округа Средне-Волжской области. Два объяснения данного совпадения кажутся нам более или менее вероятными. Во-первых, О.А. Терновская могла цитировать в своей статье архивные материалы, автор которых выдал сочиненный Мельниковым-Печерским обряд за реально бытующий в Краснослободском уезде. Такое приписывание народной традиции литературных вымыслов, попадающих затем в этнографию, – одна из реалий фольклористики XX в. С другой стороны, можно предположить существование некоего печатного описания «дожинок» в Краснослободском уезде, опубликованного ранее романа Мельникова-Печерского и использованного им в качестве прототипа второго описания успешного праздника романа «На горах». Та же публикация могла бы быть использована и О.А. Терновской, однако, последовательно ссылаясь на все печатные источники использованных данных, список которых весьма велик, О.А. Терновская оставляет без ссылки сведения о жатвенной обрядности Краснослободского уезда. И наконец, два описания дожинок в тексте «На горах», повторяя друг друга содержанием «этнографических» данных, вступают между собой в смысловые отношения «инвариант» – «вариант» обряда

(подробный анализ и аргументацию см.: [Курочкина 2015]). Разница в стилевом оформлении фрагментов, намеренная драматизация второго из них служат именно этой цели. Художественная роль второго описания и его смысловое соотношение с первым, на наш взгляд, делают весьма сомнительным использование А. Печерским некоего отдельного «прототекста» при повторном описании «дожинок». Так что, вероятнее всего, здесь мы имеем дело с «миграцией» авторского «конструкта» в этнографию через приписывание традиции литературного вымысла.

Другой сценарий «миграции» этнографических описаний из романа в научную литературу иллюстрирует судьба сцены кулачных боев в вымышленном селе Миршень. Этот случай связан, с одной стороны, с дефицитом этнографического материала по данной теме, с другой – с оригинальным содержанием мельниковского фрагмента, отличавшимся от предшествующих описаний кулачных боев, и с третьей – со стилизацией его под этнографический очерк, предполагающий по умолчанию, что содержанием его являются наблюдения очевидца. Как итог, в ряде научных исследований описание П.И. Мельникова использовано в качестве источника достоверных сведений о кулачных боях. Среди них монография «Русский кулачный бой» А.В. Грунцовского [1993], кандидатская диссертация Г.Н. Базлова «Деревенская артель кулачных бойцов-рукопашников: Опыт реконструкции: По материалам северо-западной России» [Базлов 2002], а также докторская диссертация В.А. Куца «Русский кулачный бой в контексте традиционной и современной культуры» [Куц 2014].

В данном конкретном случае наше исследование эпизода показало, что с определенными оговорками он действительно может служить источником для исследователей структуры традиционного кулачного боя, так как в значительной степени воспроизводит текст этнографического очерка И.Н. Тибрина «Описание Ягодинской волости Княгининского уезда», опубликованного во втором томе «Нижегородского сборника» в 1869 г. Следуя логике своего художественного метода, П.И. Мельников осуществил фольклоризацию речевой составляющей повествования и драматизацию его структуры. При этом логика календарно-приуроченного обрядового действия не была искажена. Однако, включая этнографические реалии в ткань художественного повествования, Мельников поместил их в вымышленный хронотоп, и лишь источниковедческое исследование позволило найти публикацию Тибрина, послужившую основой [Курочкина 2017а]. При этом для вышеупомянутых этнографов локализация описанного Мельниковым обычая в вымышленном населенном пункте не явилась препятствием к включению в базу источников. Традиция была приписана

Поволжью в целом. И данные анализировались без учета художественной природы романного текста.

Не менее причудливая участь постигла описание обычая совместной заготовки капусты в романе «На горах». В противоположность кулачному бою, эпизод «капустки» стал авторским художественным конструктом, строй и содержание которого целиком продиктованы функцией фрагмента в развитии основной сюжетной линии романа, повествующей о первой влюбленности Дуни Смолокуровой, последовавшем разочаровании, увлечении сектантскими книгами, пребывании у хлыстов. Повсеместно звучащая «Матушка капустка» представляет собой своеобразный «контрапункт» состоянию главной героини, переживающей момент полного опустошения и социального «вакуума» после бегства от сектантов и смерти отца. Отказ от участия в обычае подчеркнут экскурсом в «прежние времена», когда и в смолокуровском доме он соблюдался неукоснительно. Теперь же в окнах – тишина и темнота.

Народный обычай здесь преподнесен как исключительно древний, а сопровождающая его песня – как старинная и повсеместно распространенная. В реальности же текст «Матушки капустки» с легкой руки Мельникова соединил в себе мотивы двух хороводных песен: «Я на камешке сижусь» и «Тонка, гибка жестянка...». Показательно, что взятая писателем за основу песенка «Я на камушке сижусь» была не только широко известна, но и не раз упоминалась в русской литературе, в том числе и в двух пьесах А.Н. Островского «Не так живи, как хочется» 1854 г. и «Воевода» 1864 г. Причем сравнительный анализ показывает, что основой для «Матушки капустки» послужил вовсе не фольклорный вариант из собрания П.И. Якушкина, а текст, адаптированный для сцены А.Н. Островским. Творческая логика писателя шла по пути утрирования «фольклорности» текста через добавление в структуру строфы дополнительных повторов (подробный сопоставительный анализ см. [Курочкина 20176]).

Обманувшись впечатлением и доверившись уверениям автора, Н. Усов в 1940 г. опубликовал «Матушку капустку» в сборнике «Русские песни» среди «наиболее характерных для <Горьковской> области образцов бытовавших старых песенных материалов различного жанра»²¹. Стоит ли добавлять, что этими двумя публикациями бытование «Матушки капустки» и ограничивается?

Напоследок хочется добавить, что описание «капустки» в романе Мельникова-Печерского обрело совершенно неожиданные рефлексии в современной культуре. До публикации

²¹ Усов Н.А. Русские песни. Горький: Горьк. обл. изд., 1940. С. 5.

«На горах» песня «Я на камушке сижу» была известна исключительно как хороводная и никогда не соотносилась с какими-то обрядовыми действиями. Позднее, в обработке Н.А. Римского-Корсакова, она получила широкую известность как хрестоматийный пример народной песни и вошла в обязательную программу музыкальных школ, в репертуар самодеятельных и профессиональных фольклорных ансамблей, в методические пособия по приобщению детей к родной культуре в дошкольных образовательных учреждениях России. В некоторых из них сценарий осеннего праздника построен как «праздник капустки» и песня «Я на камушке сижу» является его смысловым центром. Тому есть простое историческое объяснение. Авторы некоторых советских учебников для педагогических вузов, доверяя этнографизму романа «На горах», перенесли изложенные в тексте сведения из художественного дискурса в научный. Так произошло, в частности, с учебником А.А. Каиева «Русская литература», по которому учились несколько поколений школьных и дошкольных педагогов. И вот, в ситуации отказа от советских осенних праздников, из недр народной культуры выплыл праздник урожая в причудливом облике «праздника капустки». А вместе с ним и песня «Я на камушке сижу» в классической обработке Н.А. Римского-Корсакова на слова, записанные П.И. Якушкиным.

Разнообразные заимствования из романов Мельникова-Печерского становятся понятными, если принимать в расчет и исторический контекст, и структуру текстов. Художественный метод писателя предполагал особый тип обобщения фольклорных явлений, основанный, с одной стороны, на научных представлениях автора о структуре и функционировании народной культуры, с другой — на эстетических вкусах эпохи и характерных для нее стереотипных представлениях о фольклоре. В этом смысле диалогия «В лесах» и «На горах» является не столько «беллетристическая изложенным этнографическим материалом», сколько памятником, достоверно отразившим представления первых исследователей народной культуры о ее структуре и динамике, характерные для 60–70-х гг. XIX в. Для читателей, не знакомых с историей развития отечественной фольклористики, сама природа этого обобщения оказывается скрыта за множеством диалектизмов и этнографических деталей, органично украшающих стройное и выразительное повествование об истории народной культуры Среднего Поволжья. Описанные случаи различных заимствований являются частным следствием подобного восприятия и генетически связаны с особой функцией художественной прозы в русской культуре второй половины XIX в. Типизация как метод творческой работы с этнографическим материалом совсем не равна достоверности, ожидаемой от

текста документального или научного. Тем не менее, как мы видим, в сознании некоторых читателей жанровая форма «этнографического романа» связана со смещением когнитивной границы «правда/вымысел». Особенно это характерно для людей, лично или профессионально причастных к описываемым социальным или культурным реалиям, которые по какой-то причине испытывают дефицит объективных свидетельств. Так, например, романы Мельникова-Печерского особенно любимы жителями города Семенова и прилегающих Керженских лесов, старожилами Горбатова, потомками нижегородских старообрядцев, экскурсоводами «по купеческим местам», которых в Нижегородской области особенно много. Не раз приходилось мне слышать в личных интервью о «прошлом укладе» пересказы фрагментов из диалогии «В лесах» и «На горах». Без должного внимания к этому факту представления о прошлом региональной традиции могут оказаться искаженными.

Использование романа «На горах» в качестве этнографического источника – частный случай более широкой проблемы. Этнографическая проза второй половины XIX в., судя по всему, достаточно сильно повлияла на представления нескольких поколений читателей (и «наивных», и «профессиональных») о прошлом народной культуры. Исследование этого влияния играет важную роль в верификации современного гуманитарного знания, представленного в различных культурных формах. Относительная «прозрачность» границы между художественным и научным дискурсом становится особенно очевидной, когда мы имеем дело с описаниями исторических событий или утраченных этнографических реалий. Исследование происхождения и «миграции» их ключевых мотивов вносит важную лепту в понимание того, как конструируется память о прошлом в художественном, научном, краеведческом и фольклорном дискурсах.

Литература

- Базлов 2002 – *Базлов Г.Н.* Деревенская артель кулачных бойцов-рукопашников (опыт реконструкции): По материалам северо-западной России: Дис. ... канд. ист. наук. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2002. 165 с.
- Власова 1981 – *Власова З.И.* Фольклор о Грозном у П.И. Мельникова и Н.К. Мирялобова // *Русский фольклор.* 1981. № 20. С. 107–154.
- Власова 1982 – *Власова З.И.* П.И. Мельников-Печерский // *Русская литература и фольклор* / Ред. А.А. Горелов. Л.: Наука, 1982. С. 95–130.
- Володина 1965 – *Володина В.А.* Творческий путь П.И. Мельникова-Печерского: Дис. ... канд. филол. наук. Казахский государственный педагогический институт им. Абая, 1965. 347 с.

- Володина 1974 – *Володина В.А.* Начало литературного пути П.И. Мельникова-Печерского // Писатель и литературный процесс. Душанбе: Таджикский гос. ун-т им. В. И. Ленина, 1974. С. 193–215.
- Галай 1995 – *Галай Ю.* Автор художественной летописи Баташевского рода // Салиас Е.А. Владимирские Мономахи: [Роман об основателях Выксун. з-дов братьях Баташевых и их потомках]: Соч. графа Салиаса. Н. Новгород: Нижегородская ярмарка, 1995. С. 5–18.
- Гневковская 2003 – *Гневковская Е.В.* Проблемы поэтики диалогии П.И. Мельникова (Андрея Печерского) «В лесах» и «На горах»: характерология, художественное пространство и время: Дис. ... канд. филол. наук. Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2003. 207 с.
- Грунтовский 1993 – *Грунтовский А.В.* Русский кулачный бой. СПб.: Петербургское общество любителей кулачного боя, 1993. 158 с.
- Колесницкая 1968 – *Колесницкая И.М.* П.И. Мельников-Печерский // Литературное наследство. М.: Наука, 1968. Т. 79. С. 589–591.
- Кондратьев 1993 – *Кондратьев М.* Горбатов-на-Оке: По следам героев романа П.И. Мельникова-Печерского «На горах» // Отечество: Краеведческий альманах. 1993. № 4. С. 137–158.
- Корепова 1976 – *Корепова К.Е.* Фольклор народов Поволжья в историко-этнографических работах П.И. Мельникова-Печерского // Фольклор народов РСФСР. 1976. № 3. С. 161–167.
- Коровашко 2009 – *Коровашко А.В.* Заговоры и заклинания в русской литературе XIX–XX веков. М.: Изд-во Кулагиной, Интрада, 2009. 364 с.
- Королев 2014 – *Королев В.В.* Не стреляйте в прошлое из пистолета. Выкса: Print House, 2014. 213 с.
- Кудряшов, Курдин 2004 – *Кудряшов И.В., Курдин Ю.А.* Диалогия «В лесах» и «На горах» в контексте творчества П.И. Мельникова-Печерского. Арзамас: АГПИ, 2004. 302 с.
- Кузнецов 2014 – *Кузнецов А.А.* Основание и ранняя история Нижнего Новгорода // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 5. С. 9–17.
- Курдин 1988 – *Курдин Ю.А.* Фольклор в диалогии П.И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах»: Дис. ... канд. филол. наук. Мос. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина, 1988. 215 с.
- Курочкина 2015 – *Курочкина А.А.* Традиционный посевной календарь в романе П.И. Мельникова-Печерского «На горах» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 4. С. 232–236.
- Курочкина 2017а – *Курочкина А.А.* Фольклорно-этнографические источники описания календарно приуроченного кулачного боя в романе П.И. Мельникова-Печерского «На горах» // Традиционная культура. 2017. № 2. С. 86–92.
- Курочкина 2017б – *Курочкина А.А.* Фольклорно-этнографические источники описания народного обычая «капустки» в романе П.И. Мель-

- никова-Печерского «На горах» // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2017. № 2–2. С. 33–36.
- Курочкина 2017в – *Курочкина А.А.* Фольклорно-этнографические источники романа П.И. Мельникова-Печерского «На горах»: Дис. ... канд. филол. наук. Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2017. 199 с.
- Куц 2014 – *Куц В.А.* Русский кулачный бой в контексте традиционной и современной культуры: системно-синергетический анализ: Дис. ... д-ра культурологии. Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2014. 390 с.
- Маловичко 2002 – *Маловичко С.И.* Возникновение и политическая жизнь древнерусского города в отечественной исторической мысли XVIII в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ставропольский гос. ун-т, 2002. 542 с.
- Морохин 1998 – *Морохин Н.В.* Традиционная духовная экологическая культура народов Нижегородского Поволжья: Дис. ... д-ра ист. наук. Российский институт культурологии, 1998. 380 с.
- Панченко 2004 – *Панченко А. А.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2004. 541 с.
- Пивкина 2013 – *Пивкина С.В.* П.И. Мельников-Печерский как собиратель и исследователь фольклора Нижегородской мордвы: Дис. ... канд. филол. наук. Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан, 2013. 202 с.
- Потявин 1960 – *Потявин В.М.* Собрание и изучение фольклора Нижегородского Поволжья в XIX веке // Народная поэзия Горьковской области / Сост. и ред. В. Потявин. Горький: Горьк. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 1960. С. 371–432.
- Соймонов 1968 – *Соймонов А.Д.* Фольклорное собрание П.В. Киреевского и русские писатели // Литературное наследство. М.: Наука, 1968. Т. 79. С. 121–168.
- Соколова 1969 – *Соколова В.Ф.* Романы П.И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах». Творческая история: Дис. ... канд. филол. наук. Институт русской литературы (Пушкинский дом), 1969.
- Соколова 1981 – *Соколова В.Ф.* П.И. Мельников (А. Печерский). Очерк жизни и творчества. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1981.
- Терновская 1977 – *Терновская О.А.* Лексика, связанная с обрядами жатвенного цикла. (Материалы к словарю) // Славянское и балканское языкознание: Карпато-восточнославянские параллели: Структура балканского текста / Ред. Т.М. Судник, Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1977. С. 77–131.
- Топоров 2009 – *Топоров В.Н.* Об индийском варианте «говорения языками» в русской мистической традиции // Топоров В.Н. Петербургский текст. М.: Науча, 2009. С. 572–606.

- Успенский 1994 – Успенский Б.А. Дуалистический характер русской средневековой культуры (на материале «Хожения за три моря» Афанасия Никитина) // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 254–297.
- Чистов 1972 – Чистов К.В. П.И. Мельников (Печерский) и И.А. Федосова // Славянский фольклор / Ред. Б.Н. Путилов, В.К. Соколова. М.: Наука, 1972. С. 313–327.

References

- Bazlov, G.N. (2002), *Village artel of bare-knuckle melee fighters (reconstruction practice). Based on materials from northwestern Russia*, Ph.D. Thesis, History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
- Chistov, K.V. (1972), “P.I. Melnikov (Pechersky) and I.A. Fedosova”, in Putilov, B.N. and Sokolova, V.K. (eds.), *Slavianskii fol'klor* [Slavic folklore], Nauka, Moscow, Russia, pp. 313–327.
- Galay, Yu. (1995), “The author of the literary chronicle of the Batashevsky family”, in Salias, E.A., *Vladimirskiye Monomakhi. Roman ob osnovatelyakh Vyksunskikh zavodov brat'yakh Batashevyykh i ikh potomkakh. Sochineniye grafa Saliasa* [Monomakhs of Vladimir. A novel about the Batashev brothers, the the founders of the Vyksa factories, and their descendants. By Count Salias], Nizhegorodskaya yarmarka, Nizhny Novgorod, Russia, pp. 5–18.
- Gnevkovskaya, E.V. (2003), *Issues of poetics of the dilogy by P.I. Melnikov (Andrei Pechersky) “In the forests” and “On the mountains”. The characterology, the artistic space and time*, Ph.D. Thesis, Philology, Lobachevskii Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia.
- Gruntovsky, A.V. (1993), *Russkii kulachnyi boi* [Russian bare-knuckle fighting], Peterburgskoe obshchestvo lyubitelei kulachnogo boya, St. Petersburg, Russia.
- Kolesnitskaya, I.M. (1968), “P.I. Melnikov-Pechersky”, *Literary heritage*, vol. 79, pp. 589–591.
- Kondratiev, M. (1993), “Gorbatov-on-Oka: In the footsteps of the characters of the novel by P.I. Melnikov-Pechersky ‘On the mountains’”, *Fatherland: Local History Almanac*, vol. 4, pp. 137–158.
- Korepova, K.E. (1976), “Folklore of the Volga peoples in the historical and ethnographic works of P.I. Melnikov-Pechersky”, *Folklore of the peoples of the RSFSR*, vol. 3, pp. 161–167.
- Korolev, V.V. (2014), *Ne strelyajte v proshloe iz pistoleta* [Do not shoot the past with a gun], Print House, Vyksa, Russia.
- Korovashko, A.V. (2009), *Zagovory i zaklinaniya v russkoi literature XIX–XX vekov* [Charms and spells in Russian literature of the 19th – 20th centuries], Kulagina Publishing House, INTRADA, Moscow, Russia.
- Kudryashov, I.V. and Kurdin, Yu.A. (2004), *Dilogiya ‘V lesakh’ i ‘Na gorakh’ v kontekste tvorchestva P.I. Mel’nikova-Pecherskogo* [Dilogy “In the forests”

- and “On the mountains” in the context of the works of P.I. Melnikov-Pechersky], AGPI, Arzamas, Russia.
- Kurdir, Yu.A. (1988), Folklore in the dilogy by P.I. Melnikov-Pechersky “In the forests” and “On the mountains”, Ph.D. Thesis, Philology, Moscow State Pedagogical Institute, Moscow, Russia.
- Kurochkina, A.A. (2015), “Traditional sowing calendar in the novel ‘On the mountains’ by P.I. Melnikov-Pechersky”, *Bulletin of the Lobachevskii Nizhny Novgorod State University*, vol. 4, pp. 232–236.
- Kurochkina, A.A. (2017), “Folkloric and ethnographic sources of a calendar timed bare-knuckle fight description in the novel ‘On the Mountains’ by P. I. Melnikov-Pechersky”, *Traditional culture*, vol. 2, pp. 86–92.
- Kurochkina, A.A. (2017), “Folkloric and ethnographic sources of the description of the folk custom ‘cabbage’ in the novel ‘On the Mountains’ by P. I. Melnikov-Pechersky”, *Philological sciences. Questions of theory and practice*, vol. 2, no. 2, pp. 33–36.
- Kurochkina, A.A. (2017), Folklore-ethnographic sources of the novel P.I. Melnikov-Pechersky “On the mountains”, Ph.D. Thesis, Philology, Lobachevskii Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia.
- Kuts, V.A. (2014), “Russian bare-knuckle fighting in the context of traditional and contemporary culture. A system-synergetic analysis”, D. Sc. Thesis, Culturology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, St. Petersburg, Russia.
- Kuznetsov, A.A. (2014), “The foundation and early history of Nizhny Novgorod”, *Bulletin of the Lobachevskii Nizhny Novgorod State University*, vol. 5, pp. 9–17.
- Malovichko, S.I. (2002), The emergence and political life of the Old Russian city in Russian historical thought of the 18th century, Abstract of D. Sc. Dissertation, History, Stavropol, Stavropol State University, Russia.
- Morokhin, N.V. (1998), Traditional spiritual ecological culture of the Volga peoples of the Nizhny Novgorod region, D. Sc. Thesis, History, Russian Institute of Cultural Studies, Moscow, Russia.
- Panchenko, A.A. (2004), *Hristovshina i skopchestvo: fol'klor i tradicionnaja kul'tura russkikh misticheskikh sekt* [The Khlysts (flagellantism) and the Skoptsys (eunuchry). Folklore and traditional culture of Russian mystical sects], OGI, Moscow, Russia.
- Pivkina, S.V. (2013), P.I. Melnikov-Pechersky as a collector and researcher of folklore of the Mordovians of the Nizhny Novgorod region, Ph.D. Thesis, Philology, Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Russia.
- Potyavin, V.M. (1960), “Collecting and studying the folklore of the Nizhny Novgorod Volga region in the 19th century”, in Potyavin, V.M. (ed.), *Narodnaja poezija Gor'kovskoj oblasti* [Folk poetry of the Gorkovsky region], Lobachevskii Gorky State University, Gorky, Russia, pp. 371–432.

- Soimonov, A.D. (1968), "The folklore collection of P.V. Kireevsky and Russian writers", *Literary heritage*, vol. 79, pp. 121–168.
- Sokolova, V.F. (1969), *Novels "In the forests" and "On the mountains" by P.I. Melnikov-Pechersky. Story of Creation*, Ph.D. Thesis, Philology, Institute of Russian Literature (Pushkin House), Leningrad, Russia.
- Sokolova, V.F. (1981), *P.I. Mel'nikov (A. Pecherskij). Ocherk zhizni i tvorchestva* [P.I. Melnikov (A. Pechersky). An essay on his life and work], Volga-Vyatka Book Publishing House, Gorky, Russia.
- Ternovskaya, O.A. (1977), "Lexicon associated with rites of the harvest cycle (Materials for the dictionary)", in Sudnik, T.M. and Civjan, T.V. (eds.), *Slavjanskoe i balkanskoe jazykoznanie. Karpato-vostochnoslavjanskije paralleli. Struktura balkanskogo teksta* [Slavic and Balkan linguistics. Carpathian and Eastern Slavic parallels. The structure of Balkan text], Nauka, Moscow, Russia, pp. 77–131.
- Toporov, V.N. (2009), "About the Indian version of glossolalia in Russian mystical tradition", in Toporov, V.N., *Peterburgskii tekst* [Petersburg text], Nauka, Moscow, Russia, pp. 572–606.
- Uspensky, B.A. (1994), "The dualistic character of medieval Russian culture (based on 'A journey behind the three seas' by Athanasius Nikitin)", in Uspensky, B.A., *Izbrannye trudy* [Selected Works], vol. 1, Gnozis, Moscow, Russia, pp. 254–297.
- Vlasova, Z.I. (1981), "Folklore about Grozny in the works by P. I. Melnikov and N. K. Miroyubov", *Russian folklore*, vol. 20, pp. 107–154.
- Vlasova, Z.I. (1982), "P.I. Melnikov-Pechersky", in Gorelov, A.A. (ed.), *Russkaja literatura i fol'klor* [Russian literature and folklore], Nauka, Leningrad, Russia, pp. 95–130.
- Volodina, V.A. (1965), *Creative journey of P.I. Melnikov-Pechersky*, Ph.D. Thesis, Philology, Abay Kazakh State Pedagogical Institute, USSR.
- Volodina, V.A. (1974), "The beginning of the literary journey of P.I. Melnikov-Pechersky", *Pisatel' i literaturnyj procesc* [Writer and Literary Process], Lenin Tajik State University, Dushanbe, USSR, pp. 193–215.

Информация об авторе

Анна А. Курочкина, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия; Россия, 603950, Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23; chikalinka@mail.ru

Information about the author

Anna A. Kurochkina, Cand. of Sci. (Philology), Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia; bld. 23, Gagarin Av., Nizhny Novgorod, Russia, 603950; chikalinka@mail.ru